

«Мы упускаем самую суть юридического образования, заменяя цель на средство...»

14.06.2024

ИНТЕРВЬЮ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Интервью с Романом Янковским, канд. юрид. наук, заведующим Центром трансформации юридического образования факультета права НИУ ВШЭ, академическим директором Moscow Digital School.

— Как, на ваш взгляд, изменится профессия юриста через 5–10 лет?

— Юридическая профессия интенсивно меняется и через 5–10 лет, конечно же, будет существенно отличаться от нынешней. На мой взгляд, в этом процессе можно выделить три основных тренда. Во-первых, рост правовой неопределенности и уменьшение роли права в общественных отношениях (мягко говоря), в результате чего мы видим снижение уважения к праву, к нашей профессии (она становится все менее престижной и востребованной). Многие студенты, которые рассматривали юриста прежде всего как защитника прав и свобод, теперь выбирают другие специальности. Это, конечно же, негативно влияет на облик среднестатистического юриста.

Во-вторых, депрофессионализация права. Все больше правовых проблем можно решить без привлечения профессионального юриста, за счет цифровизации, различных сервисов, наличия информации в интернете, форм, шаблонов документов, инструментов, приложений и продуктов. Это снижает спрос на юристов и вынуждает их уходить из тех сфер, где уже умеют обходиться без них (в качестве примера можно привести регистрацию юридических

лиц).

В третьих, цифровизация, ставшая особенно заметной с появлением больших языковых моделей. Ее текущий уровень уже позволяет говорить, что рутинные действия юриста скоро будут выполняться с помощью различных сервисов, в том числе с помощью искусственного интеллекта. Действительно, автоматические системы во многом заменят труд юристов.

С одной стороны, это будет способствовать росту эффективности последних — коэффициент их полезного действия вырастет, с другой — спрос на юристов снизится, следовательно, востребованными останутся только те специалисты, которых невозможно будет заменить искусственным интеллектом. Это в первую очередь сложные, творческие сферы юриспруденции (назовем их так), а также те, которые требуют физического присутствия юриста (наподобие выступления в судах).

Таким образом, в целом спрос на юристов, на мой взгляд, снизится. Это повлияет на профессию: она станет менее востребованной и менее престижной. Пока такая тенденция не слишком заметна, в частности из-за нормативного хаоса последних лет, который создает искусственный спрос на юристов. Но когда система устоится, снижение потребности в юристах станет очевидным.

Вследствие этого выпускники будут получать меньше денег, а значит, и поступать в юридические вузы будет меньше людей, качество подготовки абитуриентов снизится, усилится конкуренция между вузами, ведь они не смогут просто сократить набор. Даже со снижением контрольных цифр приема останутся платные места, от которых зависит бюджет. Выпускники станут активно искать новые ниши, чтобы приносить пользу. В этом смысле проторенные дороги в профессии исчерпали себя, больших денег там уже нет.

— Должно ли что-то измениться в системе юридического образования с учетом развития искусственного интеллекта (ИИ) и цифровизации?

— Безусловно, некоторые изменения непосредственно в вузах произойдут за счет ИИ и цифровизации. ИИ позволит усовершенствовать многие учебные процессы, например за счет банальной расшифровки лекций, создания большего количества студенческих материалов, учебников и пособий, обработки и перевода их на другие языки (что очень сильно облегчит учебу иностранцам), разработки вариативных заданий, подборки дополнительных индивидуальных примеров. Да хотя бы сможет генерировать оригинальные темы дипломов. Все это, конечно, улучшит качество обучения, сделает его более индивидуализированным.

Цифровизация идет в ногу с усилением конкуренции между юридическими вузами. Те из них, которые смогут воспользоваться интегрировать ИИ в учебный процесс, обретут преимущество. Это прежде всего московские и петербургские вузы, которые уже значительно продвинулись на пути цифрового развития.

— В исследовании [«The CASE by Legal Insight» за 2023 г.](#) значительную часть кейсов составляли дела, в которых суды рассматривали распределение бремени доказывания, презумпций, прав и обязанностей сторон правоотношений. Очевидно, что высокое качество судебных решений по таким вопросам зависит не только от квалификации судей, но и от уровня развития правовой науки и образования. Как обеспечить взаимодействие этих систем?

— Мне кажется, что взаимодействие судебной системы, образования и юридической практики связано помимо прочего с навыком устной и письменной речи (умением стройно и четко излагать свои мысли), навыком работы в команде, умением действовать в стрессовых условиях. Наличие таких навыков и умений помогает юристу качественно представлять интересы клиента в судах и в целом лучше выполнять свою работу. А когда представители сторон хорошо выполняют свою работу, суды тоже работают лучше.

Как укрепить эту связь? Мне кажется, что нам не хватает так называемых навыковых дисциплин в вузах. Так, у нас почти не учат юридическому письму, публичным

выступлениям, общим (базовым) софт скиллам, хотя давно известно, что вузы могут обучать этому. Те, кто учились в британских или американских университетах, согласятся со мной. У нас же считается, что все навыки можно приобрести в ходе работы, поэтому в вузах их не прививают. Такой подход делает работодателей заложниками университетов, за неимением лучшего они вынуждены доучивать вчерашних студентов, хотя это не входит в их обязанности.

— Нужно ли сегодня российским юристам зарубежное образование, и, если да, то в чем его польза?

— Зарубежное юридическое образование — феномен, который был нужен в основном в двух случаях. Во первых, если человек хотел эмигрировать и работать юристом за рубежом, сознательно шел к этому, поступая на зарубежный бакалавриат (иногда после российского) и сдавая экзамен. Конечно, для таких случаев зарубежное образование сохраняет свою актуальность, и тот, кто сейчас хочет стать зарубежным юристом, вынужден поступать в law school или в европейский бакалавриат. Во вторых, люди ехали обучаться по программам LLM, чтобы лучше взаимодействовать с иностранными юристами по международным проектам. Вот эта часть образования, конечно, иссякнет, поскольку основным ее драйвером были зарубежные юридические фирмы и крупные иностранные компании. Сейчас такого драйвера уже нет, и нужда в подобных магистратурах (американских, британских, европейских) значительно снизилась.

Приведет ли это к улучшению российского образования? Думаю, нет. Любые образовательные практики, которые к нам приходят, обогащают нашу культуру: профессиональную, вузовскую, корпоративную. И в этом смысле терять их очень жаль. Все меньше студентов знает, каково это — учиться за рубежом.

Я считаю, что ограничение доступа к зарубежному образованию снизит планку российского образования. Людей, которые знают, что представляет собой качественное юридическое

образование, полученное в Кембридже или Гарварде, будет все меньше. Никто больше не станет задавать вопросы, почему у нас неудобная библиотека, почему проверяют посещаемость лекций, почему, в конце концов, в туалетах нет бумаги. Человеку, которому не с чем сравнивать, и плохое образование будет казаться качественным. Вот в Советском Союзе было не очень качественное юридическое образование (по крайней мере мне так видится), но сравнивать было не с чем. Так что, на мой взгляд, ограничение доступа к качественным образовательным продуктам не улучшит отечественные, а скорее ухудшит.

— Нужны ли юридические колледжи, и должно ли высшее юридическое образование быть элитарным, нацеленным не только на текущие кадровые запросы, но и на формирование личности?

— На мой взгляд, вузовское образование в принципе должно быть нацелено на формирование личности. Оно прививает умение и желание развиваться, дает этические максимы. В этом смысл любого высшего образования, как массового, так и «элитарного». Я сторонник той точки зрения, согласно которой образование индустриальной эпохи, ставившее целью подготовку хорошего инженера, — это вчерашний день. Современное образование (повторюсь, любое) должно быть нацелено в первую очередь на формирование и развитие личности, а через это — на развитие человеческого капитала.

Другое дело, должно ли юридическое образование быть главным по этой части? Все таки наша сфера достаточно специфична. В мире много стран, где юридическое образование нельзя получить первым. Там считают, что сначала надо сформировать личность в рамках первого образования, а уже после этого можно идти на юрфак. Человек, не имеющий базы в виде колледжа или бакалавриата, не считается достаточно зрелым для профессии юриста — у него недостаточно жизненного опыта и кругозора. Я согласен с таким подходом, данная система как минимум позволяет избавиться от огромного количества непрофильных предметов на юрфаке. Для развития личности наши стандарты предусматривают массу курсов по истории, философии, экономике. Я уж молчу про основы российской

государственности.

Безусловно, базовые дисциплины необходимы для формирования личности, но именно из-за них мы не успеваем обучить юриста за четыре года, в то время как другие страны управляют за три. В этом смысле мне понятна концепция liberal arts, которую старались реализовать РАНХиГС и некоторые другие вузы. В рамках этой идеи в начале второго года обучения идут общие предметы, а потом студенты выбирают специализацию (в том числе юрфак). Это разумно и логично, особенно с учетом уровня нынешнего школьного образования. К сожалению, у нас наблюдается движение юридического образования в противоположную сторону: мы готовим инженеров от юриспруденции, в которых стремимся заложить максимальное количество законов. Этот «фабричный» подход противоположен тем идеалам гуманистического образования, в защиту которых я сейчас выступаю.

— Гарвард и Оксфорд — не только уровень образования, но и формирование связей и круга знакомств. Должны ли российские вузы как то участвовать в формировании нетворкинга своих студентов?

— Я считаю, что нетворкинг и разного рода сообщества должны вырастать на плодородной почве, создаваемой вузом. Здесь очень важны мелочи: например, нужно, чтобы студенты могли бронировать аудитории и переговорные помещения для своих собраний, чтобы их не выгоняли из корпуса по окончании занятий, чтобы в вузе была комфортная внеучебная среда. В этом, конечно, должен участвовать вуз. В то же время я против навязывания студентам комсомольской самодеятельности, против обязательности (этих добровольно принудительных дружин, каких то обязательных мероприятий). Такой навязанный нетворкинг обычно превращается в профанацию.

Университет — это «единство непохожих», не похожих друг на друга людей и сообществ. Нужно помогать им объединяться, формировать правильные ценности, среду, почву. В Вышке, например, есть программа по финансированию студенческих организаций,

прошедших некий отбор. Это здорово, и такого должно быть больше. Так что, чем больше внеаудиторной активности будет в университете, тем лучше, но эта активность не должна создаваться по разнарядке.

— Что можно сделать в сфере юридического образования для более интенсивного развития науки права?

— Во первых, нужно помогать юристам находить контакты с другими факультетами и вузами. Замыкание в себе вырождается из науки в схоластику. Хорошие исследования часто бывают междисциплинарными. Соответственно, нужно создавать больше возможностей для контакта с представителями других специальностей: поддерживать междисциплинарные исследования, разрешать защиту междисциплинарных диссертаций, создавать диссертационные советы ad hoc и т. д. Сейчас же, наоборот, междисциплинарное сотрудничество невыгодно. Редакции юридических журналов не любят междисциплинарные статьи, студенты не могут защищать междисциплинарные дипломы.

Во вторых, нужно поддерживать молодых ученых: им сложно, у них нет связей и наработок. Способные молодые люди должны иметь какие то стимулы для перехода в науку, нужно предлагать им участвовать в научных проектах, давать читать курсы в университете, брать их в бесплатную аспирантуру и т. д.

В третьих, необходима тотальная нетерпимость к плагиату как к абсолютному злу. К сожалению, в каждом юридическом вузе можно найти фигуранта экспертизы «Диссернета». Всюду студенты сдают списанные дипломы, и их за это не отчисляют и порой даже не наказывают. Ставя знак равенства между такими работами и настоящими, выстраданными дипломами и диссертациями, мы убиваем представление о юридической науке в целом.

— Какие предметы должны быть сегодня в программе обучения студента юрфака?

— Этот вопрос всегда возникает, как только в одной комнате собирается больше пяти

деятелей юридического образования. Я не хочу заниматься составлением подобных списков. Дискуссия по поводу того, сколько каких предметов нужно изучить, чтобы стать юристом, подобна спору о количестве ангелов на острие иглы. Вы можете дать человеку 10 предметов, и он станет хорошим юристом, а можете дать 40, но он таковым не станет. Юридическое образование не упирается в количество предметов, это лишь один из факторов, причем не самый значительный.

Нас запутали образовательные стандарты, которые сводят качество образования к количеству обязательных предметов (или к количеству людей со степенью кандидата наук, или к площади помещения, в котором учатся студенты). Мысля таким образом, мы упускаем самую суть юридического образования, заменяем цель на средство. Так что давайте лучше поговорим о том, к какой цели мы движемся.

Кого мы хотим сформировать: глубокого и разностороннего специалиста, обладающего юридическим мышлением? Как лучше его сформировать, и как это проконтролировать? Речь не про количество оценок в дипломе, поэтому вопрос надо ставить так: как именно юридическое мышление будет проявляться в решении профессиональных задач, как мы можем сформировать такое мышление? Или: как мы можем помочь человеку найти себя в профессии с максимальной пользой? Либо еще шире: как сконструировать программу, после прохождения которой наш студент станет мыслящим индивидом? Я бы начинал с таких вопросов, а не с того, без каких предметов юрист не сможет обойтись или сколько лет он должен учиться.

**Роман
Янковский**

канд. юрид. наук, заведующий Центром трансформации
юридического образования факультета права НИУ ВШЭ,
академический директор Moscow Digital School.

ИНТЕРВЬЮ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ